

Особо опасный государственный преступник*

Олекса Тихий защищал родной украинский язык. За это он пошел на муки и смерть в Пермской тюрьме

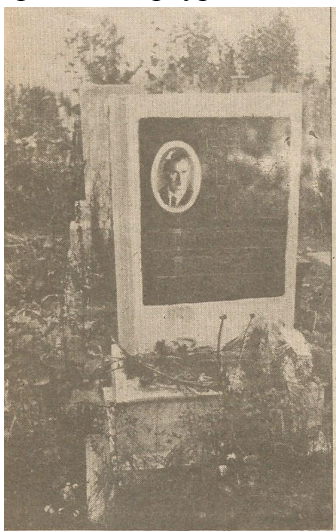
19 ноября прошлого года Владимирская улица в Киеве, от памятника Богдану Хмельницкому до памятника Тарасу Шевченко, в сквере напротив университета, была сплошь заполнена массами людей с цветами и горящими свечами в руках. Они терпеливо ожидали процессию, медленно продвигавшуюся от Свято-Покровской церкви, следуя за переполненными автобусами, среди которых три были в траурных лентах, с большими портретами перед радиаторами.

На площади автобусы остановились, из каждого вынесли по гробу, подняли их на плечи и направились по Владимирской. Однако нести дальше было нельзя. Высокий подтянутый человек категорически заявил, что дальше не пустит — до кладбища только в автобусах! «Это не первое и не последнее мероприятие, давайте же проведем его организованно», - то и дело повторял он, возражая возмущенным людям. Я спросил его, неужели он не мог хотя бы подобрать другое слово вместо «мероприятие». Деятель несколько растерялся и стал вопрошать: «А какое же слово можете предложить?»...

У памятника Тарасу Шевченко гробы были все же вынесены и, сопровождаемые знаменосцами, пронесены вокруг памятника. Милиция не вмешалась.

Хоронили на расположенном почти в центре Киева Байковом кладбище, хотя городские власти не сразу решились дать разрешение на захоронение в столь престижном месте.

Все гробы были доставлены поздним вечером 18 ноября одним самолетом, хотя погибшие вначале были погребены в разных местах. Множество людей с горящими свечами, задуваемыми ветром и упорно зажигаемыми вновь, встретили большой грузовик с цинковыми гробами. Траурные слова, обнаженные, несмотря на мороз и ветер, головы, пение ц трепещущие знамена. Затем знамена склонились, и погибших повезли в церковь, где в семь часов утра началось отпевание.

У гробов малинового цвета (цинковые были помещены в обычные) масса живых цветов, а на крышках терновые венки. По сторонам застыли знаменосцы. Но богослужение было прекращено. Настоятель церкви, православный священник, с кем-то посоветовавшись, потребовал вынести знамена, угрожая отменить отпевание. Положение спасли прибывшие из Львова священники — греко-католики (униаты), изъявившие готовность провести панихиду. Вначале настоятель церкви пытался их не допустить, но пришлось. Отпевание начал настоятель. Обычные, принятые в таких случаях слова. Затем панихиду стали служить священники из Львова. Звучали слова о концлагерях и замученных в них.

На кладбище процессия вышла уже к вечеру. Темнота усиливалась ненастной погодой. Однако огромная территория была забита людьми, стоявшими сплошной стеной. Снова свечи, проникновенные слова, пение львовских

* "Новое время", № 51, 1990, сс.36-38. "Новое время" - радянський щотижневик з міжнародних питань, видавався в Москві вісьмома мовами. Автор статті - О.І.Голуб, біохімік, друг О.Тихого, на початку 60-х років відбував термін ув'язнення у одному з О.Тихим таборі в Мордовській АРСР.

священников, цветы и море знамен, склонившихся, когда гробы начали опускаться в землю. Было трудно пробиться, чтобы бросить в могилы горсть земли. Закапывали не лопатами - руками!

«Я - сознательная частица Вселенной»

Кого же хоронили? По принятой в советской державе до недавнего времени (а отчасти и теперь) терминологии — это «особо опасные государственные преступники», что в переводе на общечеловеческий язык означает «политзаклученные». Их имена: Василь Стус и Юрий Литвин, оба поэты, и Олекса Тихий — филолог и философ. О первых двух, особенно о Стусе, сказано немало.

Олекса Иванович Тихий родился 27 января 1927 года в хуторе Ижевка Константиновского района Донецкой области. Первое знакомство с советской карательной системой произошло в 1948 году. Он был арестован за критику кандидата в депутаты. Но по тем временам обошлось весьма благополучно - после следственного изолятора его, постращав, отпустили.

Однако дальнейший путь Олексы Тихого был предопределен ясно и четко. Об этом убедительно говорит его кредо, сформулированное именно в то время. Ему Олекса неуклонно следовал.

«Для чего я живу?»

1. Чтобы жило человечество, мой народ, мой род.
2. Чтобы не сделать никому зла, не проявить ни к кому'равнодушия и несправедливости в его судьбе, тяжелом положении, горе.
3. Я - сознательная частица Вселенной, человечества, своего, народа, окружения по месту жительства и работы, в кругу своих друзей и недругов. Я за все в ответе.
4. Я имею человеческое достоинство, национальную гордость. Никому не позволяю топтать ни первое, ни второе.
5. Презираю смерть, голод, бедность, страдание и само презрение.
6. Стремлюсь, чтобы мое «я» было достойно названия «человек». Во всем, всегда, независимо от обстоятельств, действую согласно со своей совестью.
7. Чтобы уважать и ценить труд, убеждения и культуру каждого человека, на каком бы уровне по сравнению с моим, общепринятым и наивысшими достижениями человека они ни находились.
8. Чтобы до последнего вздоха учиться и, по возможности, без насилия и принуждения учить всех, кто желает у меня учиться.
9. Чтобы презирать сильных, богатых, авторитетных, если они свою силу, богатство и авторитет используют для измывательств, издевательств, чванства перед другими людьми или. хотя бы одним человеком.
10. Равнодушен к тем, кто живет скотской жизнью. По возможности стремлюсь помочь каждому такому осознать себя человеком.
11. Чтобы изучать, поддерживать, развивать язык, культуру, традиции моего народа.
12. Чтобы избавиться и способствовать избавлению других от всего низкого, подлого, чуждого духу человечества».

В детские годы у Олексы проявились хорошие музыкальные способности. Но он, несмотря на обнадеживающие рекомендации, предпочел углубиться в историю, особенно в историю украинского языка, неразрывно связанную с культурой украинского народа, трагической славой которого он проникся еще в школе, несмотря на то что программы школы отнюдь не способствовали оному пониманию. Окончив философский факультет Московского университета, Олекса возвратился на Украину, в родной Донбасс, где работал завучем Алексееве-Дружковской средней школы.

15 февраля 1957 года он был арестован и вскоре после суда в Сталино, так тогда назывался Донецк, был приговорен к семи годам строгого («сразу по первому разу» — как поговаривали в

таких случаях в лагерях) режима и пяти годам лишения гражданских прав. Обвинялся он в распространении антисоветских взглядов среди учителей школы и в письме на имя Председателя Президиума Верховного Совета УССР, в насмешках над процедурой выборов, которые называл комедией, протестах против диктатуры коммунистической партии и подавления восстания в Венгрии в 1956 году.

Украинский язык для Украины

Всего этого Олекса на суде не отрицал, однако виновным себя не признал и заявил, что в его действиях состава преступления нет. Приписали ему и многое другое. В то же время предпочли умолчать о реальной причине, которая и послужила основой для столь жестокого приговора, максимального для первой судимости. Конечно, и вышеприведенные обвинения считались весьма серьезными, но есть основания полагать, что на основе сказанного в приговоре в то время дали бы меньший срок. Ведь Дело было в период, когда Н.С.Хрущев еще только переходил от раннего плодотворного этапа своей деятельности к замораживанию «оттепели». Правда, первый рывок был резким и страшным — восстание в Венгрии раздавлено танками. Но внутри страны общество еще жило разоблачением культа Сталина, реабилитацией узников довоенных и послевоенных лагерей, началом раскрепощения крестьян.

За что же Тихому дали сразу срок на «полную катушку»? За «преступление», которое тогда не захотели назвать, - отстаивание на Украине украинского языка. Олекса Тихий настаивал на том, чтобы все живущие в республике знали язык ее коренного народа и могли на нем говорить. Это отнюдь не означало пренебрежение другими нациями, их ущемление. На Украине, особенно в Донбассе, всегда было много русских, евреев, а до войны также много греков и татар. Строго соблюдая чистоту украинского языка и неуклонно требуя того же от других, Олекса так же чисто говорил на русском языке и противился его засорению, испохабливаанию. Более того, нормальные, человеческие отношения Олексы с русскими и евреями как в лагере, так и за пределами его (в «большой зоне»), контакты со сторонниками А.Д.Сахарова снискали ему откровенную неприязнь, а то и ненависть сторонников полной национальной обособленности.

Свой срок Олекса отбыл полностью, как говорится, «от звонка до звонка», в Потьминских лагерях («страна Мордовия» — так говорили лагерники, слушая по радио популярную песенку тех лет: «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех»). Все тяготы лагерного быта он переносил стойко, никому не позволяя попираť человеческое достоинство. Убеждал в необходимости такого поведения и вновь прибывших, объясняя им правила лагерного обихода. Например, не говоря уже о полнейшей недопустимости стукачества, не следовало идти на предлагаемую начальством более легкую работу, если соответствующее место высвободилось из-за того, что другой заключенный впал в немилость. Вместе с тем Олекса никогда не подбивал других на акции, могущие привести к тяжелым последствиям.

В 1976 году Левко Лукьяненко, теперь депутат Верховного Совета республики, лидер Украинской республиканской партии, отбыл пятнадцатилетний срок, из них четыре месяца в камере смертников, ожидая, что его поволокут на расстрел. Таков был первый приговор за то, что Лукьяненко, в соответствии с конституцией, отстаивал идею референдума о самостоятельности Украины. Причем он обязывался, если народ решит, чтобы Украина

Массовая политическая забастовка киевских студентов: тысячи «особо опасных»?

оставалась в составе СССР, безоговорочно подчиниться этому решению. Выйдя из заключения, он завел с Олексой разговор о создании Хельсинкской группы. Большинство из тех, с кем Левко говорил об этом раньше, обычно уклонялись, выжидали. Один лишь Олекса, посмотрев на Левку, произнес: «Не вступай в группу пока что. Ты же только вернулся из тюрьмы. Посмотри на себя, какой ты худющий. Отдохни, хотя бы немного подправь здоровье. Еще успеешь вернуться в тюрьму».

Однако отдыхал Левко недолго. Уже в сентябре 1978 года он переступил порог Сосновского концлагеря (арестовали его еще в 1977 году) и увидел через решетку Олексу, которого вновь «женили» (лагерный термин) в феврале 1977 года.

Рецидивист

Второй процесс по делу Тихого, которого судили вместе с руководителем Украинской Хельсинкской группы Миколой Руденко, бывшим секретарем парторганизации Союза писателей УССР, инвалидом Отечественной войны, состоялся летом 1977 года. Суд считался открытым. Однако публика была подобрана специально, и только на шестой день в зал пустили восьмидесятилетнюю мать Олексы и сестру Миколы, а вечером также обоих сыновей Олексы - Николая и Владимира. Только тогда (и на оглашении приговора) удалось сделать записи.

В чем обвиняли? Участие в группе по соблюдению Хельсинкских соглашений (подписанных правительством СССР!), деятельность по защите украинского языка - рукопись Олексы «Размышления о родном языке». Не буду останавливаться на деталях, как и на том, что некоторые, повторяющие теперь на Украине идеи Тихого и Руденко, дали показания, "изобличающие в антисоветской деятельности". Пусть они хотя бы теперь ведут себя достойно. Но нельзя умолчать о гнусной роли профессора Донецкого университета И.И.Стебуна, сделавшего все, чтобы О.Тихого засудили как можно нещаднее.

Руденко получил семь лет строгого режима и пять лет ссылки, а Тихий был признан не только «особо опасным государственным преступником», но и «рецидивистом». Посему получил он десять лет особо строгого и пять лет ссылки. Вначале лагерь в Мордовии - ЖХ 385/1-6. Условия там были столь явно нацелены на уничтожение, что Олекса сразу же решил пожертвовать собой, подбодрить других акциями протеста и сделать так, чтобы об этих страшных концлагерях узнал весь мир.

Весной 1979 года он проводил очередную голодовку, за что был брошен в карцер. Там и случилось прободение язвы желудка. Восемнадцать часов катался Олекса с дикими болями по бетонному полу карцера. Затем носилки и операция. Перед операцией врач Скрипник предложил Олексе подписать заявление об отказе от антисоветской деятельности. Олекса ответил, что это шантаж. Тогда Скрипник сказал, что жить Олекса будет, но недолго и в мучениях. Об этом сообщил мне и жене Олексы Левко Лукьяненко, несший носилки. Мы знаем, что намеченная было активировка (освобождение ввиду тяжелейшего состояния) была отменена по указанию свыше. Затем Олексу перевели в больницу при лагере для убийц под Нижним Тагилом. С трудом удалось об этом узнать. Спасибо тем, кто этому помог, если прочтут эти строки!

Я говорил с начальником местного управления КГБ Павловым, убеждал разрешить передать продукты и побеседовать. Мотивировал необходимостью убедить Олексу прекратить голодовки. Мол, не только мы хотим, чтобы он жил, но и власти не должны быть заинтересованы в его гибели. Павлов ответил, что передача не положена, а что касается голодовок (тут он многозначительно улыбнулся), то, по имеющимся у него сведениям, Тихий устраивать голодовки больше не будет... Что это означало, стало ясным из разговора с заместителем начальника лагерной больницы. Он сказал, что Тихий чудом остался жив, и вообще непонятно, зачем его привезли по такой тряской дороге - ведь в Мордовии точно такая же больница. А потом начальник лагеря полковник Хайлак буквально издевался над женой Тихого Ольгой Алексеевной, каждый раз притворяясь, что не помнит, кто она. Свидания он ей не дал и велел закрасить окна и обить войлоком двери палаты, где лежал Олекса, чтобы тот

даже не узнал, что жена ходит возле корпуса, у самого заграждения. А в сентябре, несмотря на резкое похолодание, отправил Тихого в одном лишь нательном белье в далекий этап — обратно в Мордовию.

Снова Мордовия, издевательства лагерного начальства. И вскоре этап в новый особый лагерь в поселке Копально Пермской области, ВС 389/36, где полы в камере нещадно скрипели при малейшем движении, а так как к параше ходить все же надо было каждому, ночь превращалась в сплошной кошмар.

«Устраивать голодовки больше не будет...»

Олексу постоянно наказывали, лишали права переписки (одно письмо в месяц), за весь срок передали лишь одну посылку (не считая полученной перед смертью, из той посылки он не смог уже съесть ни кусочка). Ни одного личного свидания с женой. Только «общие» (да и то укороченные до полутора-двух часов вместо четырех) — через двойные стекла с разговором по телефону, могущим быть в любой момент прерванным бдительным надзирателем. На последнее, в апреле 1984 года, его привезли на каталке. Щуплая фигурка, веса в нем осталось около 40 килограммов вместо прежних 70, огромные печальные глаза. 6 мая Олекса Тихий скончался в больнице Пермской тюрьмы, простив перед смертью, в христианском смирении, своих мучителей. Об этом узнал весь мир. Молчали лишь у нас.

На могиле Олексы, под Пермью, был сделан хороший памятник — женой Ольгой и сыном Николаем, и содержался он, несмотря на все трудности, в полнейшем порядке. Там я и сделал снимки 14 сентября 1989 года, накануне перезахоронения Олексы.

Не знаю, сохранился ли еще один памятник ему — деревья, посаженные им вместе со своими учениками на склонах оврага в каменистой Донецкой степи. Их мне показал Олекса, когда в июне 1970 года мы шли с ним от хутора Ижевка к Алексеево-Дружковке, где он работал на кирпичном заводе (работу в школе ему, созданному для работы с детьми, пришлось оставить; как-то он мне написал: «Ожидаю очередной ревизии, которая поможет покончить мне с педагогическими муками»). Часть деревьев засохла, но на остальных уже трепетала листва. Какие они теперь?

Полагаю, что всем троем «особо опасным, государственным» надо соорудить общий памятник на их могиле. Если эти строки решатся опубликовать, гонорар предназначаю на создание такого памятника.

А. И. Голуб